Симонов Константин Викторович

ГЕРМАНСКАЯ МИССИЯ В АФГАНИСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1915-1916 гг. на территории Афганистана активно действовала германская военно-дипломатическая миссия во главе с О. Нидермайером и В. фон Хентигом. Автор, используя новые материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, раскрывает малоизвестные подробности пребывания германских военных и дипломатов в Афганистане в годы Первой мировой войны, анализирует изменения в позиции афганского руководства в связи с действиями германских представителей, а также пытается оценить итоги взаимодействия российских и британских властей по противостоянию германским попыткам вовлечения Афганистана в войну.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 166-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327.821+94
Исторические науки и археология

В 1915-1916 гг. на территории Афганистана активно действовала германская военно-дипломатическая миссия во главе с О. Нидермайером и В. фон Хентигом. Автор, используя новые материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, раскрывает малоизвестные подробности пребывания германских военных и дипломатов в Афганистане в годы Первой мировой войны, анализирует изменения в позиции афганского руководства в связи с действиями германских представителей, а также пытается оценить итоги взаимодействия российских и британских властей по противостоянию германским попыткам вовлечения Афганистана в войну.

Ключевые слова и фразы: великие державы; Афганистан; Первая мировая война; германское влияние; тайная дипломатия.

Симонов Константин Викторович, к.и.н., доцент
Воронежский государственный институт физической культуры
ksimonov76@mail.ru

ГЕРМАНСКАЯ МИССИЯ В АФГАНИСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

О прорыве немецких вооруженных отрядов во главе с О. Нидермайером и В. фон Хентигом на афганскую территорию стало известно в Лондоне и Петрограде уже в августе 1915 г. Союзникам по Антанте в связи с этим потребовалось выработать новую линию поведения в отношениях с афганским эмиром Хабибуллой-ханом. Следовало учесть многие факторы, влиявшие на позицию Кабула, и, в первую очередь, готовность самого правителя сохранять мирные отношения с могущественными соседями.

Английское правительство решило потребовать от афганской стороны немедленной выдачи всех представителей Германии, но вице-король Индии Ч. Гардинг убедил свое руководство поступить иначе. Ему представлялось нежелательным любое резкое высказывание в адрес кабульского правителя, и потому он настоял на сохранении прежнего характера взаимоотношений с ним. «Чем чаще эмиру будет внушаемо, что на него... смотрят как на “монарха”, слову которого верят, тем вернее можно рассчитывать на его лояльность», – полагал Ч. Гардинг [1, д. 345, л. 79]. Вице-король направил Хабибулле-хану письмо, в котором дал понять, что знает и о точной численности немецкого вооруженного отряда и о его целях, но, вместе с тем, высказал уверенность, что эмир теперь «докажет на деле искренность многократных обещаний своих сохранить строгий нейтралитет». Чтобы убедить афганского правителя в правильности занятой им позиции, вице-король сообщил ему о ходе боевых действий на фронтах. Смысл рассуждений главы англо-индийской колониальной администрации свелся к следующему: хотя германские войска и сражаются на территории противника, Великобритания и Россия не сомневаются в том, что успех этот временный, а потому любые враждебные действия против них будут гибельны для Афганистана [Там же].

Эмир ответил так, как и ожидал Ч. Гардинг. «Никогда еще вооруженным отрядам иностранцев не разрешалось свободно путешествовать по Афганистану», – написал он и пообещал, что все германские офицеры в скором времени будут обезоружены и задержаны [Там же]. Генеральный консул России в Калькутте К. Д. Набоков, который был в курсе секретной переписки англо-индийских властей с эмиром [6, с. 18], сообщил министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что, с точки зрения вице-короля Индии, Хабибулла-хан «вполне отдает себе отчет в обязательствах, налагаемых на него нейтралитетом» [1, д. 345, л. 79].

Последующие события как будто подтверждали эту мысль. 17 сентября Ч. Гардинг получил от эмира ответное письмо, где сообщалось о поимке «германской шайки, которая... под конвоем направлена в Кабул» и будет «приведена к ответу... за проникновение на афганскую территорию» [10, с. 64]. В Лондоне и Петрограде сделали вывод: Хабибулла-хан ручается, что немецкие происки в Афганистане обречены на провал. Вице-король еще более утвердился во мнении, что необходимо избегать резких шагов, при каждом удобном случае убеждая эмира, что британские власти ему верят и действительно готовы общаться с ним как с равным политиком.

Новое послание афганскому правителю было решено направить лично от британского короля. 24 сентября 1915 г. Георг V обратился к Хабибулле-хану. «Мой дорогой друг, – писал он, – я был удовлетворен, узнав... насколько добросовестно сохраняете Вы ту позицию, о которой заявили в начале войны». Далее говорилось, что принятое эмиром решение принесет пользу «как Афганистану, так и всему исламскому миру», и выражалась уверенность, что Хабибулла-хан будет придерживаться нейтралитета «до победы союзных армий». В заключение король еще раз поблагодарил эмира за дружбу, признавшись, что высоко ее оценивает [20, p. 14].

Очередное послание эмир получил и от Ч. Гардинга. В нем речь шла об увеличении ежегодной субсидии на 2 лакха (200000) рупий до 1800000 [Ibidem, p. 15]. Таким образом, английское правительство пыталось морально поддержать афганского правителя и одновременно материально заинтересовать его в дальнейшем развитии двусторонних отношений. Вице-король сам был уверен и убедил К. Д. Набокова в том, что такая политика является единственно верной. Однако вскоре и у британских, и у российских властей появились серьезные сомнения на этот счет.

© Симонов К. В., 2013

В планируемое время эмир не ответил на письмо короля. Однако если этот факт еще можно было трактовать по-разному и надеяться в итоге на благоприятный исход, то полученные в конце сентября сведения о приеме германской миссии в Герате однозначно свидетельствовали о том, что происходящее в Афганистане таит в себе огромную опасность.

По данным английского генерального консула в Мешхеде полковника Г. Хэйга, немецкие офицеры прибыли в Герат 24 августа и были размещены за городом во дворце Баге-Шах. 26 августа их посетил губернатор гератской провинции Мухаммад Сервер-хан, которому они предъявили документы с призывом к джихаду, подписанные турецким султаном, и объявили, что Германия поможет Афганистану оружием и войсками, а после войны настоит на передаче ему Туркестана до Самарканда и Индии до Бомбея. 7 сентября по приказу эмира германская миссия была направлена в Кабул [2, д. 91, л. 269].

Аналогичные сведения о первых неделях пребывания германских представителей в Афганистане получили по своим каналам и царские дипломаты, но, поскольку они еще не знали о письме Георга V Хабибуллехану и об увеличении тому ежегодной субсидии, они и отреагировали на все гораздо серьезнее англичан. Так, генеральный консул России в Мешхеде Н. Никольский, узнав о появлении немецких эмиссаров в Герате, сделал вывод, что эмир «не хочет открыто стать на сторону России и Англии», напротив, «заверяя индийское правительство в своем твердом решении сохранять нейтралитет», он лишь «выжидает решительных военных действий в Европе» [Там же, л. 229].

Англо-индийское руководство через некоторое время тоже забило тревогу. По меткому определению Р. Стюарт, «вице-король ожидал благодарности эмира... а ее не последовало» [20, p. 15]. В конце октября, беседуя с К. Д. Набоковым, секретарь вице-короля по иностранным делам А. Грант заметил, что истинная позиция Хабибуллы-хана в отношении немецких представителей «заставляет сомневаться в искренности его обещаний» [14, p. 88].

Миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига к тому времени уже находилась в Кабуле. Правда, эмир не спешил встречаться с германо-турецкими эмиссарами. Они прибыли в афганскую столицу 2 октября. Их тепло встретили представители турецкой общины Кабула, был даже выстроен почетный караул из солдат столичного гарнизона во главе с полковником Хайри-беем, соратником Энвера-паши по Триполитанской кампании. Однако ни сам Хабибулла-хан, ни кто-либо из представителей правящей династии не появился, чтобы приветствовать германских офицеров и приехавших с ними индийцев [19, p. 48-49].

Всех их разместили в загородном дворце Баги-Бабур, и около месяца они находились там под охраной в почти полной изоляции [23, p. 168]. Индийский националист М. Пратап, прибывший в Кабул в составе германской миссии, позже написал, что он и его спутники оказались в положении государственных преступников [19, p. 49]. Все это время О. Нидермайер добивался встречи с эмиром. Еще по прибытии в Кабул он написал ему письмо, но ответа не последовало. Дабы покончить с неопределенностью, немцы и индийцы пообещали начать голодовку [12, с. 186; 14, p. 89]. Лишь после этого Хабибулла-хан принял их.

Аудиенция состоялась 26 октября в резиденции эмира в Пагмане. Германскую военно-дипломатическую миссию представляли О. Нидермайер, В. фон Хентиг, турецкий офицер Казем-бей, индийские революционеры М. Пратап и М. Баракатулла. С афганской стороны присутствовали Хабибулла-хан, его брат Насрулла-хан, сыновья эмира Инаятулла-хан и Аманулла-хан, а также отец главнокомандующего афганской армией генерала Надир-хана Мухаммад Юсуф-хан. Прибывшие вручили Хабибулле-хану послания от германского императора Вильгельма II, турецкого султана Мехмета V, канцлера Германии Т. Бетман-Гольвега и военного министра Турции Энвера-паши. Затем началась беседа. Эмир заявил, что смотрит на иностранных представителей как на торговцев, которые должны предложить ему свои товары, а он выберет из них то, что ему понравится [19, p. 50]. О. Нидермайер и В. фон Хентиг в ответ перечислили основные цели своего приезда в Афганистан. На этом первая встреча закончилась.

Далее Хабибулла-хан принимал руководителей миссии по отдельности. Первыми аудиенции удостоились М. Пратап и М. Баракатулла, на другой день – О. Нидермайер и В. фон Хентиг, а еще через некоторое время капитан Казем-бей. Индийцы подняли вопрос о своих соотечественниках, бежавших в Афганистан от английского преследования. Среди них был назван Убайдулла Синдхи, прибывший в Кабул в августе 1915 г. и задержанный здесь афганскими властями. М. Пратап и М. Баракатулла просили отпустить его. Эмир согласился [Ibidem, p. 51].

Встреча Хабибуллы-хана с немецкими представителями оказалась менее результативной. О. Нидермайер доложил о ее итогах германскому послу в Тегеране (сообщение было перехвачено усилиями русской агентуры), указав, что «объяснения эмира не внушают больших надежд». Впрочем, с его точки зрения, возможность вовлечения Афганистана в войну еще оставалась. Для этого он просил направить в Кабул «тысячу турок с пулеметами» и часть своей экспедиции, которая находилась в Персии. Вместе с тем, О. Нидермайер намекал на необходимость устранения Хабибуллы-хана. «Быть может, потребуется предварительно внутренний переворот», – написал он [2, д. 91, л. 300].

С Казем-беем эмир обсудил послание Энвера-паши. Турецкий военный министр обратился к Хабибулле-хану с призывом присоединиться к джихаду, объявленному султаном, позволить мусульманским священнослужителям ведение открытой пропаганды «священной войны» и разорвать отношения с Англией. Отдельно стоял вопрос: разрешит ли эмир турецким войскам проследовать через Афганистан к индийской границе? Хабибулла-хан ответил по каждому из этих пунктов:

1. Поддержать призыв к джихаду он не может, поскольку ранее заявил о своем нейтралитете в войне.
2. Разрыв отношений с Англией пока «представляется нежелательным».
3. «Муллы могут делать то, что считают нужным вне афганских пределов».

4. «Не будет предпринято никаких попыток остановить турецкую армию, но афганцы не смогут помочь ее снабжению» [18, p. 105].

Таким образом, первые встречи представителей Германии и Турции с эмиром ясно показали, что он далек от мысли вступить в войну против Великобритании и России. Сохранение нейтралитета являлось для него пока самой главной задачей.

4 ноября Хабибулла-хан возвратился в Кабул и здесь еще несколько раз принимал О. Нидермайера, В. фон Хентига и Казем-бея. Беседы носили теперь более конкретный характер. От имени центральных держав Афганистану была обещана значительная военная помощь и 12 лакхов (1.200.000) рупий ежегодной субсидии. От эмира требовалось лишь «начать подготовку к войне». Однако он не спешил. Один из офицеров миссии О. Нидермайера – Зейлер – записал в дневнике: Хабибулла-хан «нерешителен», «постоянно твердит о своем нейтралитете и... дружбе с Англией» [Цит. по: 14, p. 178]. По словам В. Пашена, находившегося в Герате, О. Нидермайер писал ему, что эмир почти не поддается на уговоры, но и не отпускает миссию из Кабула, заявляя, что, если «обстоятельства изменятся и Афганистан вступит в войну, германские офицеры ему понадобятся» [Ibidem, p. 93].

Далее все изменилось. К концу декабря Хабибулла-хан на время отказался от личных контактов с посланцами кайзера. Все вопросы с ними теперь обсуждали Насрулла-хан, Инаятулла-хан и Аманулла-хан. Сам же правитель пошел на сближение с Великобританией. Он встретился с представителем вице-короля в Кабуле Сайфуллой-ханом и объяснил ему свою позицию. «Значительное ухудшение англо-афганских отношений, – сказал он, – связано с войной, и я понимаю, что любые мои колебания будут порождать сомнения и беспокойство у британского правительства... или закрепят за мной образ безбожника и еретика в глазах моих подданных и их единоверцев на границе... (*Однако – К. С.*), – продолжил эмир, – Вы должны сообщить Вашему правительству, что я его верный друг и буду поддерживать нейтралитет до тех пор, пока не возникнет угроза... афганским интересам» [Ibidem, p. 91-92].

И все же, несмотря на данные им гарантии, Хабибулла-хан не отказывался от возможности договориться и с представителями Германии. Миссия О. Нидермайера и В. фон Хентига оставалась в Кабуле. Подобные «расхождения между обещаниями эмира англичанам и фактическими его действиями» П. И. Хотеев объяснил «нерешительностью эмира» [12, с. 186]. По мнению этого исследователя, Хабибулле-хану приходилось учитывать требования своего брата Насруллы-хана, быстро нашедшего общий язык с посланцами Вильгельма II, а также опиравшегося на поддержку большинства населения страны и многих высших сановников [Там же]. За ним стояли: военный министр генерал Надир-хан, министр финансов (мустоуфи уль-мамалек) Мирза Мухаммад-Хусейн, редактор газеты «Сирадж уль-Ахбар» Махмуд Тарзи, сыновья эмира. Хабибулла-хан, со своей стороны, мог положиться только на немногих личных советников, да на главу правительства Абдул Куддус-хана.

Однако П. И. Хотеев, на наш взгляд, преувеличил степень разногласий между двумя группировками в афганском политическом руководстве и их лидерами. На самом деле и те, и другие защищали национальные интересы страны, пытаясь использовать все выгоды создавшегося положения. При единой цели они лишь по-разному смотрели на пути ее достижения, но это различие было не принципиальным. И когда Насрулла-хан со своей давней неприязнью к англичанам призывал объявить им войну, приняв помощь от Германии и Турции, эмир едва ли считал его взгляды ошибочными. Вместе с тем, он не хотел упускать и тех преимуществ, которые открывались перед Афганистаном ввиду явной заинтересованности Великобритании в сохранении им нейтралитета. Довольно точно о политической позиции Хабибуллы-хана, как нам представляется, написал в своих воспоминаниях Э. Рыбичка, австрийский офицер, в 1915 г. бежавший в Афганистан из русского плена и находившийся там несколько лет. По его словам, этот «государственный делец и лукавый политик хотел, не ставя себя в опасное положение, извлечь для своей пользы из создавшейся ситуации все, что будет только возможно» [9, с. 47]. Очевидно, Хабибулла-хан договорился с братом о совместных действиях, но при этом каждый должен был «работать» по своему плану.

В конце декабря эмир направил ответные письма британскому императору и вице-королю Индии. Георгу V он обещал сохранять строгий нейтралитет, а у Ч. Гардинга потребовал значительного увеличения субсидии. Предложенные ему 2 лакха рупий он считал недостаточной прибавкой [1, д. 345, л. 83]. Еще через некоторое время наступил перелом и на переговорах в Кабуле. Насрулла-хан договорился с О. Нидермайером и В. фон Хентигом о налаживании широкого сотрудничества между Афганистаном и государствами Тройственного союза. Однако руководители немецкой миссии так и не склонили афганское руководство к военному выступлению против Англии и России. Когда они в очередной раз подняли этот вопрос, Насрулла-хан заявил, что прежде следует заключить специальный договор, где были бы зафиксированы взаимные обязательства сторон и размеры германской помощи Афганистану. О. Нидермайер и В. фон Хентиг, видя, что никакие аргументы уже не подействуют, пошли ему навстречу. Но, поскольку они не имели необходимых полномочий, между Германией и Афганистаном 24 января 1916 г. был подписан проект договора, который подлежал дальнейшему утверждению в Берлине [14, p. 179].

Документ состоял из преамбулы и десяти статей. Германия признавала независимость Афганистана и обязывалась:

а) добиться аналогичного признания от правительств Австро-Венгрии и Болгарии;

б) предоставить Афганистану «как можно быстрее» 100.000 винтовок новейшего образца, 300 орудий «больших и малых», «другие военные материалы» и «10 миллионов фунтов»;

в) направить эмиру через Персию военных специалистов;

г) содействовать Афганистану в территориальных приобретениях.

Афганское правительство заявляло о своей «полной независимости и политической свободе» и также обязывалось:

а) немедленно приступить к совершенствованию вооруженных сил;

б) направить представителя в Тегеран для ведения секретных переговоров с представителями Германии, Турции и Австро-Венгрии;

в) после войны принять участие в мирной конференции [Ibidem, p. 179-180].

О. Нидермайер и В. фон Хентиг высоко оценили результаты подписанного соглашения, но считали, что это только первый шаг к решению поставленной задачи. Вступления Афганистана в войну, сообщили они в Берлин, можно ожидать уже в конце апреля, но для этого необходимо в короткий срок доставить в Кабул «большое количество винтовок, орудий и снаряжения», а также «не менее 1 миллиона фунтов стерлингов». Особенно О. Нидермайер настаивал на переброске в Афганистан хотя бы 10000 солдат, «немцев или турок». Тогда, по его мнению, можно было бы начать боевые действия «даже без поддержки эмира». Судя по всему, германские агенты рассчитывали на стихийный подъем населения страны.

В этом же донесении О. Нидермайер подвел итоги работы миссии в Афганистане с октября 1915 по январь 1916 г.:

1) началась тайная мобилизация афганской армии;
2) ведется укрепление пограничной полосы на севере и юго-востоке Афганистана;
3) организуются побеги австрийских и германских военнопленных с территории русского Туркестана;
4) осуществляются нападения на английские транспорты с оружием и деньгами;
5) проводятся диверсии на промышленных предприятиях в Индии и Туркестане;
6) расширяется антибританская агитация в Индии [Ibidem, p. 181].

Во всем этом афганские власти охотно помогали немцам, однако по вопросу о вступлении в войну они решили твердо придерживаться условий, зафиксированных в проекте договора от 24 января. Беседуя с О. Нидермайером на следующий день после его подписания, эмир еще раз указал, что поддержит центральные державы, только когда «от 20 до 100 тысяч германских или турецких солдат прибудут в Афганистан» [Ibidem]. Иначе говоря, Хабибулла-хан готов был начать боевые действия против Англии и России лишь при полной уверенности в успехе. Пока же он встретился с представителем вице-короля Сайфуллой-ханом и заявил ему о намерении сохранять нейтралитет и созвать в ближайшее время дурбар (совет знати при монархе), чтобы официально объявить об этом решении [2, д. 52, л. 43].

Дурбар состоялся 11 февраля. Эмир выступил на нем с речью о необходимости единения народа и правительства. «Пример Персии, – подчеркнул он, – должен служить показателем тех бед, которым подвергается страна из-за внутренних раздоров и разногласий» [1, д. 345, л. 140]. Хабибулла-хан не случайно обратился к собравшимся с подобным заявлением. После подписания договора с германской миссией ему необходимо было объявить о своем видении перспектив развития страны. Следующим шагом в этом направлении стал фирман (указ) эмира, в котором говорилось о грандиозных масштабах ведущейся войны и необходимости для Афганистана «спокойно выждать события и быть готовыми дать отпор в случае нападения... какой-либо державы» [2, д. 52, л. 69].

Действительно, теперь Хабибулле-хану оставалось только внимательно следить за ходом боевых действий на фронтах мировой войны, чтобы в подходящий момент принять сторону победителя. Если турецкие войска разгромят британские части в Месопотамии и Персии и вступят в Афганистан, он мог смело поддержать Турцию и Германию. Если же армии России и Великобритании разобьют войска султана и кайзера, то козырем Хабибуллы-хана стал бы нейтралитет. Таким образом, эмира устраивал любой вариант развития событий.

Пока же ситуация оставалась неопределенной. В январе-феврале 1916 г. на Кавказском фронте русские войска успешно провели Эрзерумскую наступательную операцию, заняв Эрзерум, а в Персии – вступили в Исфахан, Керманшах, а чуть позже и в Хамадан. Как доложил российскому послу в Тегеране Н. С. Эттеру Н. Никольский, «эти известия произвели значительное впечатление в Афганистане» [Там же, л. 52]. Однако летом турецкие части нанесли ответный удар, вновь овладев Керманшахом и Хамаданом. В Месопотамии английская армия, наступавшая с сентября 1915 г. на Багдад, была остановлена в районе Кут-эль-Амарны в 80-100 км от города и далее продвинуться не смогла [22]. Ч. Гардинг позже очень сожалел по этому поводу. «Ценность такого успеха как занятие Багдада была бы неоценимой для... поддержания британского престижа в... Афганистане», – отмечал он [17, p. 123].

В этих условиях Хабибулла-хан следовал ранее принятой тактике. Германская миссия, остававшаяся в Кабуле, стала для него удобным средством давления на англо-индийское правительство. Эмир решил добиться от него значительных уступок и, прежде всего, дальнейшего увеличения денежной субсидии. Уже к концу 1915 г. она выросла с 16 до 18 лакхов рупий, но Хабибулле-хану этого было мало, и он убеждал Ч. Гардинга в необходимости дальнейшего ее повышения. «Агитация за войну растет, симпатии населения на стороне Германии и Турции, а потому», – писал эмир вице-королю, – «поддержание нейтралитета с каждым месяцем требует все больших расходов» [20, p. 19]. При этом эмир не называл конкретную сумму, которую хотел бы получать, давая понять англо-индийским властям, что его позиция будет целиком зависеть от щедрости их предложения.

Ч. Гардинг, зная о немецких интригах в Афганистане и понимая, к каким последствиям они могут привести уже в ближайшем будущем, готов был оказать эмиру серьезную материальную помощь. По его мнению, необходимо было предпринять все возможное, чтобы не допустить выступления Афганистана, иначе, считал он, «мусульманское население не останется спокойным, и Индии грозят внутренние осложнения», для преодоления которых «у правительства... недостаточно английских войск» [Цит. по: 10, с. 69]. Опасения вице-короля разделяли и члены его совета. Уже в январе 1916 г., как только стало известно о новых требованиях

эмира, они планировали выплатить ему в дополнение к ежегодной субсидии еще 15 лакхов рупий единовременно, но решили, что, скорее всего, и этой суммы будет недостаточно [14, p. 92]. В итоге эмир направил к вице-королю своего личного представителя для ведения переговоров, и к июню 1916 г. добился увеличения субсидии с 18 до 24 лакхов рупий в год. Взамен британские власти потребовали удалить из Афганистана «всех немецких агитаторов» [1, д. 345, л. 164].

Однако к тому времени военно-организационная, пропагандистская и политическая деятельность миссии О. Нидермайера в Кабуле приняла такие масштабы, что не могла быть остановлена в один момент, да это и не входило в планы эмира. Подписав проект соглашения с Германией, он продолжил сотрудничество с ее представителями. Более того, немцы действовали теперь совместно с военнослужащими австро-венгерской армии, бежавшими в Афганистан из русского плена. Хабибулла-хан поручил им реорганизацию своих войск. Германские и австрийские офицеры были назначены военными инспекторами и советниками в афганские воинские части. Дворец Баги-Бабур, где размещалась миссия, стал центром активной деятельности. Здесь был разработан полевой устав для афганской армии, напечатаны первые военные учебники на персидском языке. Тут же формировались образцовые отряды пехоты, пулеметные команды, штурмовые батальоны со значительным количеством немецких и австрийских унтер-офицеров и солдат.

Одновременно началась реорганизация артиллерии и унификация всей системы вооружений (Н. Равич, в начале 1920-х гг. советский консул в Герате, видел результаты этой работы и высоко их оценивал. По его словам, «немцы сыграли решающую роль в деле превращения так называемой ~~а~~фганской армии”... в боеспособные войска» [7, с. 144]).

В горах, в районе Баги-Бабура, была установлена станция беспроволочного телеграфа, которая занималась перехватом радио и телеграфных сообщений англо-индийского правительства. К марту 1916 г. была налажена связь с пуштунскими племенами на северо-западной границе Индии. Лейтенант Руланд несколько раз выезжал в район Хайберского ущелья [11, с. 39-46; 12, с. 188].

Помимо этого немцы пытались получить дополнительную помощь с территории Персии. Видимо, просьбы О. Нидермайера доходили до германского посла в Тегеране, и он знал о плане кабульской группы подготовить вступление Афганистана в войну к концу апреля. К этому сроку планировалось перебросить туда через персидскую границу дополнительное количество войск и оружия.

Уже в декабре 1915 г. немцы заняли Тебес [2, д. 52, л. 4]. Их активность была отмечена российским командованием. 25 января 1916 г. военный агент в Хорасане подполковник Л. Н. Скурат доложил в отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба, что германские агенты «начинают развивать свою деятельность с целью форсировать проход в Афганистан всей своей массой, соединить набранные и отчасти уже обученные ими отряды в Персии с войсками эмира». По его мнению, следовало принять меры «быстрые и решительные» [Цит. по: 5, с. 80-81]. Л. Н. Скурата поддержал полковник Гущин, командовавший русскими войсками в Хорасане. Он информировал генерал-губернатора Туркестана Ф. В. Мартсона о попытках немцев «пробраться в Афганистан... из Кермана» [Цит. по: Там же, с. 160]. Аналогичные сведения телеграфировал министру иностранных дел Н. Никольский. В итоге на усиление Хорасанского отряда были направлены Оренбургский кавалерийский полк и конноартиллерийская батарея [2, д. 52, л. 15]. Переброска оказалась своевременной. Во многом именно благодаря увеличению численности царских войск на афганско-персидской границе германская миссия в Кабуле в нужный момент не получила необходимой помощи и подкреплений.

Весной 1916 г. немцы предприняли еще одну чрезвычайно важную акцию. Они попытались договориться с царским правительством о совместных действиях против англичан. Посредником на переговорах должен был стать М. Пратап. Судя по всему, мысль о привлечении России на сторону Германии и Турции стала обсуждаться в Кабуле сразу после подписания проекта германо-афганского договора. М. Пратап отмечал в своих воспоминаниях, что именно он первым высказал ее эмиру. Хабибулла-хан поддержал это предложение и поручил разработать детальный план его реализации Насрулле-хану [19, p. 55]. Но даже если инициатива налаживания прямых контактов с российскими властями и принадлежала индийским эмигрантам, выступали они не только от своего имени.

21 марта в Ташкент прибыли посланцы М. Пратапа Самшир-сингх и Мирза Мухаммад Али-хан. Они вручили туркестанскому генерал-губернатору два послания. Одно ему лично, другое, выгравированное на золотой пластине, для передачи царю. Оба заявили, что являются представителями «раджи местности Хатрес Соединенных провинций», «прибывшего в Кабул с немцами», который «предлагает России оказать им помощь против Англии» [Цит. по: 8, с. 446]. Содержание доставленных писем подтверждало их слова. Обращаясь к Николаю II, М. Пратап написал, что считает Россию и Германию «истинными друзьями» Индии и надеется, что «рознь» между ними «скоро уладится, и они, объединившись, употребят все силы, чтобы опрокинуть жестокого узурпатора всего мира» – Англию [Там же, с. 445].

Генерала Ф. В. Мартсона М. Пратап информировал о своих планах более подробно. Он признал, что получил помощь от германского кайзера и турецкого султана и теперь, находясь в Кабуле, ожидает поддержки от российского императора. «Сейчас наступил момент, которого никогда больше не будет», – писал М. Пратап. «Афганистан... готов броситься в объятия России», и ей следует воспользоваться этим, чтобы нанести удар Англии, своему «естественному сопернику в Азии», а Германия и Турция поддержат Россию. Индиец открыто завил о возможности «достижения взаимопонимания» с центральными державами, предложив, как «скромный друг германского и турецкого правительств», свои посреднические услуги [Там же, с. 445-446].

Царские власти не скрыли от союзников ни сам факт прибытия индийцев в Ташкент, ни суть их предложений. С. Д. Сазонов сразу же известил обо всем британского посла в Петрограде, а тот, в свою очередь, передал информацию в Лондон, и далее она поступила к вице-королю. Ч. Гардинг в ответ потребовал ареста и

выдачи посланцев М. Пратапа, ошибочно полагая, что один из них – Мирза Мухаммад Али – начальник канцелярии эмира (отсюда следовало, что и сама поездка санкционирована Хабибуллой-ханом).

Однако в Петрограде и Ташкенте ситуацию оценили более спокойно. Ф. В. Мартсон еще при первой встрече с индийскими эмигрантами обещал им беспрепятственный выезд обратно в Афганистан. Кроме того, оба они предъявили афганские паспорта, а следовательно, являлись подданными эмира, и генерал-губернатор Туркестана советовал С. Д. Сазонову «не подрывать доверие» правительства Хабибуллы-хана «такими мерами, как арест и выдача прибывших посланцев». Министр иностранных дел поддержал его, о чем и было заявлено британской стороне [Там же, с. 447-448].

Вскоре рассеялись подозрения англо-индийских властей относительно личности Мирзы Мухаммада Али. 27 апреля генеральный консул России в Калькутте Р. А. Лисовский сообщил начальнику III политического отдела МИД В. О. фон Клемму, что по новым данным начальником канцелярии эмира является Али Ахмад-хан, «находящийся ныне в Кабуле» [10, с. 77]. Британское правительство еще настаивало на выдаче индийцев, но к тому времени они уже покинули Ташкент. В. О. фон Клемм телеграфировал Р. А. Лисовскому, что «генерал-губернатору (*Туркестана – К. С.*) разрешено было отпустить посланцев... во избежание нежелательного... обострения отношений с Афганистаном» [7, с. 147]. Какого-либо официального ответа они не получили, но накануне отъезда с ними беседовал дипломатический чиновник при генерал-губернаторе Туркестана С. В. Чиркин, дав понять, что царское правительство сохранит союзнические отношения с Великобританией [8, с. 449].

Таким образом, попытка склонить Россию к выступлению против Англии совместно с Германией, Турцией и Афганистаном, предпринятая весной 1916 г. индийскими политическими эмигрантами и представителями кайзера в Кабуле, оказалась безуспешной. Секретная сделка, которую они предложили российским властям, не состоялась [13, с. 124-125].

Провал переговоров в Ташкенте стал еще одной неудачей германской миссии. В запланированные сроки ей не удалось организовать вступление Афганистана в войну. Немецкие агенты сделали для этого все, что смогли, но их усилий оказалось недостаточно. П. И. Хотеев справедливо отмечал, что они «по существу... рассчитывали оказать воздействие на эмира посредством пустых обещаний», а Хабибулле-хану требовалась реальная поддержка – войска, деньги и оружие [12, с. 192]. Без этого выступление Афганистана не имело смысла. Афганская армия была бы раздавлена войсками Англии и России.

Понимая, что продолжать переговоры, не предлагая ничего нового, бесполезно, немецкие офицеры из экспедиции О. Нидермайера 21 мая 1916 г. покинули Кабул. Эмира это устраивало. Теперь он мог по праву получать назначенную ему вице-королем субсидию в 2400000 рупий («немецкие агитаторы», как и настаивал Ч. Гардинг, были удалены из Афганистана) и ждать обещанной помощи от Германии и Турции (Насрулла-хан передал с О. Нидермайером письмо германскому канцлеру Т. Бетман-Гольвегу, в котором выразил надежду, что кайзеровское правительство выполнит все условия прелиминарного договора [14, p. 200-201]). Вместе с тем, отъезд немецких представителей из Кабула не означал прекращения деятельности агентов Германии и Турции в Афганистане. Его пределы покинули только В. Пашен, В. фон Хентиг, О. Нидермайер и еще несколько офицеров, т.е. даже не весь первоначальный состав миссии. Г. Вагнер, Казем-бей, турецкие и австрийские военные, присоединившиеся к ней позже, остались. Им было поручено готовить восстания в русском Туркестане и полосе пуштунских племен на северо-западной границе Индии.

Советские историки по-разному оценивали итоги пребывания миссии О. Нидермайера и В. фон Хентига в Афганистане. Е. Вейт писал, что «она имела лишь частичный успех» [4, с. 30]. П. И. Хотеев и М. А. Бабаходжаев считали ее деятельность безрезультатной, неудачной [3, с. 26; 12, с. 193]. Н. Равич, напротив, указывал, что «немцам удалось выполнить все... задачи», правда, к тому моменту, «когда судьба... Германии уже была решена на западном фронте» [7, с. 141]. Зарубежные авторы отмечали, что немецкая экспедиция не достигла своей главной цели. Афганистан остался нейтральным. Одни объясняли это «хитростью» и «игрой» Хабибуллы-хана [15, p. 434-435], другие его верностью соглашениям с Великобританией [16, p. 235], третьи тем, что «центральные державы проиграли войну» [14, p. 96].

Однако почти никто из исследователей не коснулся вопроса о том, какой след в сознании кабульских правящих кругов оставили события Первой мировой войны, на фоне которых разворачивалась деятельность германской миссии. А это очень важно, ибо Афганистан в те годы впервые выступил непосредственным участником «большой» политики. Обозначившиеся, во многом благодаря германскому участию, изменения в его международном положении были с готовностью восприняты в Кабуле. Весной 1916 г. Хабибулла-хан написал Ч. Гардингу, что желает направить на мирную конференцию по итогам войны своего представителя, чтобы добиваться международного признания афганской независимости [21, p. 265].

Таким образом, пребывание германской миссии в Кабуле было весьма результативным. Ей удалось сделать максимум возможного в тех условиях. Дальнейшие действия эмира зависели теперь во многом от военных успехов Германии и Турции.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской империи** (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486.
2. **АВПРИ.** Ф. 194. Оп. 528/2.
3. **Бабаходжаев М. А.** Миссия Нидермайера – Гентига в Афганистане (1915-1916) // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.: ИВ АН СССР, 1960. Вып. 37. С. 18-26.
4. **Вейт Е.** Афганистан. М. – Л.: Московский рабочий, 1929. 157 с.

5. **Международные отношения в эпоху империализма**: документы из архивов царского и Временного правительств (1878-1917). Серия III: 1914-1917. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 10. 14 января – 13 апреля 1916 г. 646 с.
6. **Набоков К. Д.** Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923. 282 с.
7. **Равич Н.** Приподнятая завеса (борьба в Афганистане в период империалистической войны) // Знамя. 1933. № 10. С. 139-156.
8. **Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг.**: сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1999. 527 с.
9. **Рыбичка Э.** Бурные годы Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1929. 250 с.
10. **Синяя книга**: сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. М.: НКИД, 1918. 96 с.
11. **Тихонов Ю. Н.** Обстановка на северо-западной границе Британской Индии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Липецкого государственного педагогического института. Липецк, 1997. Вып. 1. С. 39-46.
12. **Хотеев П. И.** Германо-афганские переговоры 1915-1916 гг. // Ученые записки ЛГУ. Л.: ЛГУ, 1977. № 395. Вып. 20. Востоковедение. С. 180-194.
13. **Хотеев П. И.** Махендра Пратап в Афганистане (1915-1918 гг.) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1980. Вып. 5. С. 118-125.
14. **Adamec L. W.** Afghanistan. 1900-1923. A Diplomatic History. Los Angeles: University of California Press, 1965. 245 p.
15. **Dupree L.** Afghanistan. Princeton: Princeton University Press, 1973. 784 p.
16. **Fraser-Tytler W. K.** Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Southern Asia. L.: Oxford University Press, 1950. 330 p.
17. **Hardinge C.** My Indian Years: 1910-1916. L.: John Murray, 1947. 160 p.
18. **Olesen A.** Islam and Politics in Afghanistan. Richmond: Curzon Press, 1995. 351 p.
19. **Pratap M.** My Life Story of Fifty Five Years. Dehradun: World Federation, 1947. 358 p.
20. **Stewart R. T.** Fire in Afghanistan. 1914-1929. N. Y.: Garden City, 1973. 614 p.
21. **Sykes P.** A History of Afghanistan. L.: Macmillan & Co, Ltd., 1940. Vol. 2. 416 p.
22. **The Times Weekly Edition.** 1915. November 26.
23. **Winstone H.** The Illicit Adventure: the Story of Political and Military Intelligence in the Middle East from 1898 to 1926. L.: J. Cape, 1982. 582 p.

THE GERMAN MISSION IN AFGHANISTAN DURING THE FIRST WORLD WAR

Simonov Konstantin Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Institute of Physical Culture
ksimonov76@mail.ru

The German military-diplomatic mission headed by O. Niedermayer and W. von Hentig actively acted in Afghanistan in 1915-1916. The author, using new materials from the Archive of the Russian Empire Foreign Policy, reveals the little-known details of the German military men and diplomats stay in Afghanistan during the First World War, analyzes the changes in the position of the Afghan leadership in connection with the German representatives‘ actions, and undertakes an attempt to estimate the results of the interaction between the Russian and British authorities in order to counter the German attempts of Afghanistan involvement into the war.

Key words and phrases: great powers; Afghanistan; the First World War; the German influence; secret diplomacy.

УДК 329.17:130.2(477)
Философские науки

В этой статье речь пойдет об изучении национализма с позиций философской теории модернизма, где этническая принадлежность играет определенную роль в происхождении национализма, а культура приобретает значение на финальной стадии формирования нации, но настоящие корни этого явления лежат в политике и экономике. Данный подход представлен в работах Э. Геллнера, Э. Смита, Б. Андерсена.

Ключевые слова и фразы: нации; национализм; этноцентризм; этнокультурное сообщество; модернизм.

Сошников Андрей Александрович, к. филос. н., доцент
Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина
son1976@bigmir.net

МЕТОДОЛОГИЯ МОДЕРНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ НАЦИОНАЛИЗМА©

Национализм как идеология и политическая практика в разных странах рождался в определенных исторических условиях и развивался по различным социокультурным траекториям. В связи с этим следует понимать, что существует не всеобщая теория национализма, а множество концепций, которые сосредотачивают своѐ внимание на конкретных проявлениях национализма. Их изучением усиленно занимается целый

© Сошников А. А., 2013